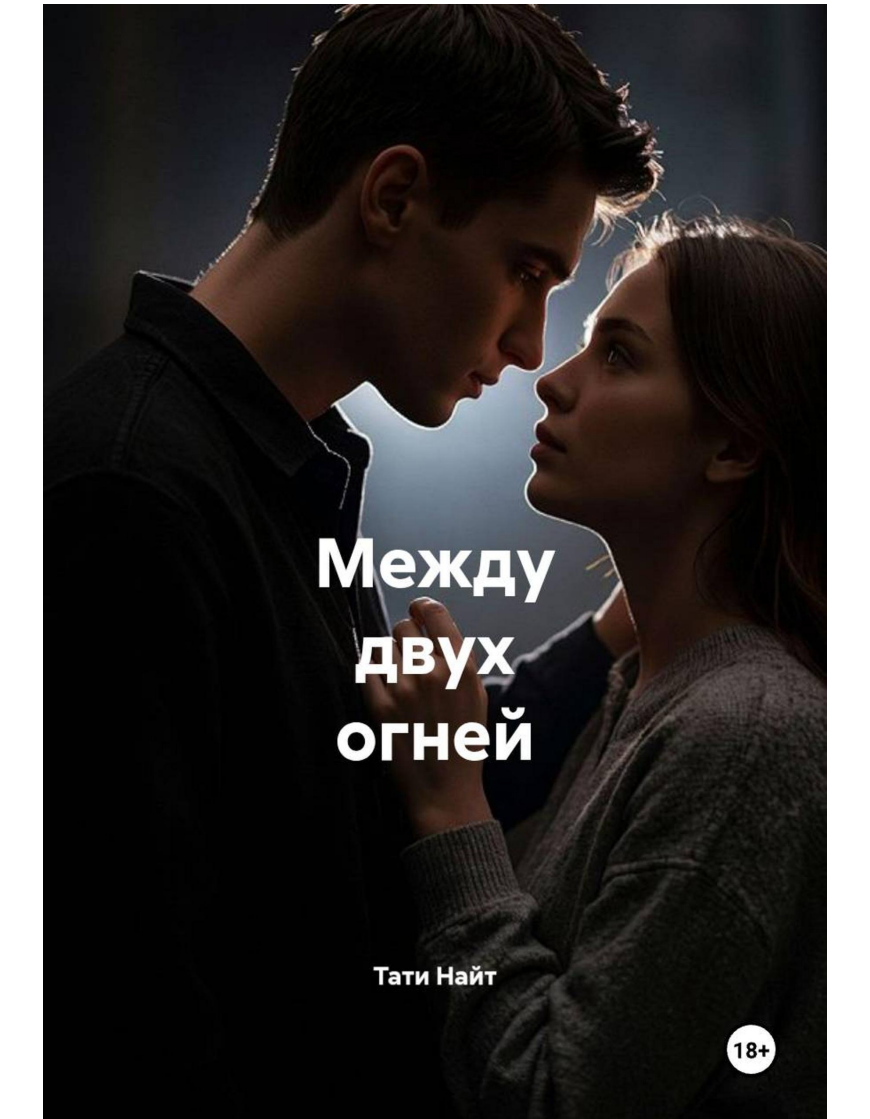

Между двух огней

Тати Найт

18+

Тати Найт

Между двух огней

<https://litres.ru/74507808>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта история про то, как чувства рвут изнутри, сжигая привычные границы.

В ней любовный треугольник, но в нём нет злодеев. Каждый из героев любит по-своему, искренне и отчаянно.

Кира ступает осторожно, каждый шаг навстречу риск: она слишком хорошо помнит, как больно бывает, когда доверие разбивается вдребезги.

Макс старается сдерживаться, но чувства рвутся изнутри. Каждое его слово даётся как крик сквозь сжатые зубы, он больше не может ждать. В нем горит огонь, которому тесно в рамках приличий.

Вова хочет исправить ошибку. Но хватит ли раскаяния, чтобы залечить старую рану, или прошлое сильнее любых "прости"?

Коридоры техникума становятся местом, где сталкиваются не просто трое людей, а три мира. Здесь эхо шагов смешивается с невысказанными словами, а каждая встреча это маленькая дуэль, где оружием служат поступки и взгляды.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Между двух огней

Глава 1

Вова

Я сидел на подоконнике, вжимаясь плечом в холодный край рамы и смотрел через дорогу на её окно-на этот тусклый, почти призрачный свет, она нарочно не включала яркую лампу, чтобы не выдать себя. В пальцах я нервно крутил старую ручку, а рядом лежал тот самый блокнот. Потрёпанный от моих постоянных прикосновений, с загнутыми уголками страниц. На первой коряво выведена фраза: «Кира любит кофе». Я записал её в десятом классе, в тот вечер, когда провожал Киру домой.

Уже прошло два года, а я всё помню. Каждую деталь. Как внезапно полил дождь-тяжёлый, резкий, словно небо решило смыть весь день разом и стереть с улиц наши следы. Как мы смеялись, мокрые и взъерошенные, но счастливые. Как она потрянула головой, и капли воды разлетелись в свете фонаря, будто крошечные осколки. Помню, как мы стояли под козырьком, прижавшись к шершавой стене, и мне не хотелось никуда уходить. Помню, как бешено колотилось сердце рядом с ней, когда я решился её поцеловать. Это было как в первый раз. С ней я вообще впервые понял, что значит хотеть быть кому-то важным. Мне хотелось показать ей, что я

не подведу. А потом ... я сам всё разрушил. Начал общаться с Настей. Не потому, что влюбился, а просто с ней было легче. Она не заставляла меня чувствовать, что от каждого моего слова зависит её мир. С Кирой я всё время боялся ошибиться, быть недостаточно хорошим для неё. Я так сильно хотел всё сделать правильно, что в какой-то момент этот страх стал сильнее меня. Больше моего желания быть рядом с ней.

Когда я сказал, что хочу расстаться, голос мой звучал глухо, почти безжизненно, я даже в глаза ей боялся посмотреть. Я так не хотел видеть это разочарование, эту боль. А она просто кивнула и сказала «ладно». Без криков, без истерик и упрёков. От этого было больнее всего — от этой тихой покорности, словно она заранее знала, что так и будет.

Потом мы часто пересекались в общей компании. Я учился делать вид, что между нами ничего не было. шутил, смеялся, старался не замечать мелочей, того как Кира прячет руки в рукава и чуть вздрагивает, если кто-то приближается слишком близко. Я видел всё. Каждый раз мне безумно хотелось подойти, взять её за руку и сказать: «прости, я тогда струсил, просто не был готов к тому, как сильно ты на меня действовала». Но я не знал, как починить, то что сам же и сломал.

Теперь, глядя на её тёмное окно, я понимал, какой я был трус. Два года я делал вид, что живу нормально, а на самом деле просто учился не смотреть в ту сторону.

Я открыл блокнот на чистой странице и вывел твёрдо, без помарок: «я верну её». А под этим написал первый пункт: посмотреть ей в глаза и сказать-я помню тот вечер под козырьком. Помню, как боялся сделать что-то не так. Прости за всё и позволь быть рядом. Перечитав строчку, я впервые не почувствовал, что слова звучат как пустые обещания. Потому что теперь я знал: быть взрослым-это не значит никогда не бояться. Это значит уметь признавать свои ошибки и не бросать тех, кто тебе верит. Даже если для этого придётся стоять под самым сильным ливнем и смотреть прямо в глаза той боли, которую сам же и принёс.

Дождь за окном начал накрапывать. Тихо, неуверенно, словно спрашивал: «ты правда готов?» Я сжал ручку чуть крепче.

-Готов, -прошептал я, скорее себе, чем дождю. – На этот раз я не отвернусь.

Ручка в пальцах хрустнула. Я тут же разжал руку, будто испугался сломать что-то ещё. – Не пластик, а ту тонкую ниточку надежды, которую только-только начал наматывать на кулак.

Две недели назад я даже не думал, что первый день учёбы может обернуться моим шансом-шансом всё исправить.

Глава 2

Кира

-Сегодня начинается новая жизнь, -прошептала я, распахнув глаза, и сама поверила в эти слова с первой секунды.

Через окно пробивались солнечные лучи, заливая комнату тёплым светом, а с улицы доносилось пение птиц- и тут же, совсем рядом, резкий гудок машины, шум потока, который мчался мимо моего дома. Этот контраст-птичья нежность и городской напор-вдруг показался мне правильным. Взрослая жизнь тоже не бывает только мягкой, она сразу берёт в оборот.

Я подскочила с кровати, чувствуя, как внутри всё пружинит от предвкушения, и побежала к шкафу. Пальцы быстро скользнули по вешалкам, пока не остановились на джинсовых шортах и футболке со смайликом. Немного детская, немного смешная-и именно поэтому сейчас самая нужная. Как шит: «я волнуюсь, но я справлюсь».

В ванной я торопливо умылась, попыталась пригладить непослушные волосы и поймала своё отражение в зеркале. Глаза слишком яркие, щёки чуть порозовели, улыбка то вспыхивает, то гаснет-будто сама не знала, радость это или просто способ не дать страху подобраться ближе.

-сегодня мой первый день практики в техникуме, -сказала я своему отражению, словно закрепляя это вслух, чтобы они стали якорем.

-через пару недель я стану студенткой.

В груди трепетали бабочки-каждая тянула в свою сторону: одна вперёд, другая назад, третья вообще хотела спрятаться под одеяло. Я глубоко вдохнула, задержала воздух и выдохнула-надо.

Наверно все дети мечтают повзрослеть «официально», вот и в моей жизни настал этот момент. Позади остались экзамены, школа, те дни, когда всё решали за меня.

Собрав волосы в длинный хвост- так, чтобы ни одна прядь не лезла в лицо и не мешала смотреть вперёд, я схватила рюкзак, на ходу обулась и направилась к калитке. Пальцы чуть дрожали от нетерпения, а не от страха: день уже звал меня, торопил, боялся, что я передумаю.

Как обычно выходя из дома -я невольно бросила взгляд через дорогу, прямо в окно бывшего парня, Вовы. Сама не заметила, как ноги чуть замедлились, словно тело помнило: тут надо притормозить. А в голове тут же вспыхнули картин- ки- яркие, до боли живые, будто это было не два года назад, а вчера. Конец лета, душный вечер. Магазин на углу, куда я забежала за водой. Он стоял у холодильника в чёрной фут- болке и шортах, увидев его я застыла, словно на полном хо- ду врезалась в невидимую стену. Глядя на него моё дыхание сбилось. Тёмно-каштановые волосы небрежно зачёсаны на- бок, словно он просто провёл по ним рукой, не думая, как это выглядит. Я ловила себя на том, что разглядываю его, и тут же одёрнула взгляд, будто у меня совсем тормозов нет. Вы- сокий лоб, широкие тёмные брови с резким изломом, пря- мой нос, чётко очерченные скулы. В нём было столько насто- ящего, что хотелось одновременно спрятаться и стоять вот так смотреть.

Когда он обернулся, поймал мой взгляд, время запну-

лось-словно кто-то тихо нажал на паузу. Потом он чуть улыбнулся-совсем неброско, без пафоса и в ту же минуту внутри всё перевернулось. В его улыбке было что-то обезоруживающее. Весь мир вдруг сузился до этой секунды, до его взгляда, до того, как чуть дрогнули уголки его губ. В этот миг моё сердце вспомнило, как оно вообще умеет чувствовать.

Я вдруг поняла: ни один парень не казался мне таким, в нём сошлось всё, что раньше я даже не замечала. Не идеальная картинка, а что-то живое: эта чуть растерянная улыбка, спокойный взгляд, в котором нет желания казаться кем-то другим. И от этого становилось так тепло и тревожно одновременно.

Мы не заговорили. Только обменялись короткими, до нелепости неловкими улыбками. Наверно мы оба боялись спугнуть этот момент. В этой хрупкой тишине между нами уместилось куда больше слов, чем в любом разговоре.

Через несколько дней мы случайно встретились в одной компании. Меня позвала одна из подружек «просто погулять», и там был он. Мы болтали о ерунде, смеялись над одними и теми же шутками и всё казалось таким простым, словно мы всю жизнь друг друга знаем. Когда время подошло к вечеру, он пошёл проводить меня домой. Начался дождь-не тот, что можно переждать, а настоящий, резкий, будто небо решило смыть весь день разом. Вова потянул меня под козырёк, мы стояли, прижавшись к стене, и смеялись над тем, как нелепо выглядим, словно только что выбрались

из шторма. И этот смех создавал свой собственный маленький мир-только для нас двоих.

Вдруг смех оборвался. Вова перестал улыбаться, посмотрел на меня так, словно только сейчас по-настоящему увидел и тихо, почти шёпотом сказал:

-Ты знаешь, ты...очень красивая, когда смеёшься.

Я даже смутиться не успела-слова повисли между нами, тёплые и настоящие, и в этой тишине вдруг стало слышно, как стучит дождь и как бешено колотится моё сердце.

Он резко, но не грубо прижал меня к стене-ровно настолько, чтобы укрыть от хлещущего ливня, он хотел заслонить собой весь этот шумный, мокрый мир. Чуть наклонился, и на секунду всё замерло: ни ветра, ни капель, ни далёких голосов-только его взгляд, в котором было столько смысла, что у меня перехватило дыхание.

Потом он медленно положил ладонь на стену рядом со мной-словно очертил границу нашего маленького убежища, где есть только мы. Его пальцы вжались в мокрый кирпич, будто он сам себе напоминал: стой, не торопись. А затем, не отводя взгляда, он скользнул рукой вниз, обнял меня за талию-крепко, но бережно, так, что я почувствовала не силу, а опору: словно он говорил без слов: «я держу, ты не упадёшь».

Он замер на секунду, в его взгляде читался немой вопрос, он спрашивал без слов: «можно?» А потом поцеловал меня. Не напористо, не как в фильмах, где всё сразу и слишком громко. Его губы коснулись моих так осторожно, он пробо-

вал этот миг на вкус и боялся, что тот исчезнет, если сделать хоть одно движение не так. В этом поцелуе не было спешки. В этот миг я поняла, что хочу стоять так вечно. Пусть льёт дождь, пусть стена остаётся холодной, пусть капли разбиваются о тротуар-главное, только то что его пальцы чуть крепче сжимают мою талию, а его дыхание смешивается с моим. Больше ничего не имело значения.

Спустя пару месяцев наш мир рухнул, а моё сердце разлетелось на тысячи осколков. Вова бросил меня, сказал, что у него другая. Стоял передо мной и смотрел куда-то в сторону, на облупившуюся краску на стене, будто она была важнее меня. Я кивнула, сказав «ладно» и ушла. Уже за углом, там, где он меня не видел, сползла по стене и заплакала так, что казалось из меня вышел весь воздух. Грудь разрывалась от боли и казалось, что вместе со слезами вытекало всё то тепло, которое он успел мне подарить. Я почувствовала себя такой маленькой и беззащитной, словно вся моя смелость, все мои планы и мечты рассыпались в пыль от одного тихого слова. И самое страшное было не в том, что он ушёл, а в том, что я не знала, как теперь собрать себя заново-из этих слёз, из этой пустоты, из воспоминаний, которые теперь кололись, как осколки того самого стекла, что разлеталось в свете фонаря, когда мы смеялись под дождём.

С тех пор я не с кем не встречалась. Он был первым и последним парнем. Не потому что не хотела, а потому что все остальные казались ненастоящими, словно я пыталась

подменить оригинал дешёвой копией. Каждый раз я ловила себя на мысли о Вове: он бы сделал вот так или пошутил так... Если кто-то пытался взять меня за руку, я отводила ладонь, потому что знала: прикосновения должно быть не просто тёплым, а электрическим, от которого замирает дыхание. От этого становилось так горько, что проще было уйти.

Ещё секунду я смотрела на его окно, а потом выдохнула, сбрасывая с плеч это тяжёлое воспоминание.

-Кира, тормози. –прошептала я себе. –у меня начинается новая жизнь, прямо сейчас.

Я достала наушники из рюкзака и нажала на плей. В уши ворвался бодрый ритм-он задавал темп: вперёд, только вперёд. Я специально не смотрела на часы: хотелось не считать минуты, а замечать детали. Как солнце ложится золотыми пятнами на асфальт. Как старушка у подъезда кормит голубей и ворчит на них, будто они ей вечно делают всё не так. Как мальчишка на самокате выписывает зигзаги и хохочет так громко, что хочется тоже рассмеяться-просто от того, что день такой живой. А потом впереди показали большие металлические ворота тёмно-коричневого цвета, массивные, они сразу давали понять: здесь всё серьёзно. И тут по телу скользнула та самая дрожь-колючая, от которой сводит ладони. Всегда страшно делать что-то в первый раз. Страшно, потому что это значит, ты стоишь на пороге, а за ним-неизвестность.

Я остановилась, сжала лямку рюкзака, глубоко вдохнула

и сказала себе тихо, но твёрдо: -я справлюсь.

На пороге техникума стояла женщина лет пятидесяти пяти-строгая, но не холодная. В руках она держала планшет, а сама она что-то очень увлечённо читала, словно в этих строчках была вся судьба мира. Я сделала ещё несколько шагов вперёд, выдохнула и сказала чуть громче, чем хотелось - чтобы скрыть дрожь в голосе:

-Здравствуйте, я пришла на практику. Меня зовут Кира Богданова.

Женщина подняла глаза, и её лицо тут же изменилось: строгость сползла, оставив только тёплую, немного усталую улыбку.

-Привет, Кирочка, -сказала она мягко, и от этого «Кирочка» внутри что-то расслабилось, меня тут уже ждали. — я Татьяна Фёдоровна, куратор вашей группы. Ну что, давай не будем тянуть. Поднимайся на второй этаж, аудитория 13. Там уже потихоньку собираются ребята.

Я кивнула и пошла внутрь. Холл техникума встретил меня привычным запахом-смесью лака, бумаги и чего-то неуловимо учебного, словно знания здесь оседали везде, на перилах, на каждой ступеньке. У стены сидела милая женщина и трудолюбиво всматривалась в экраны камер, пытаясь разглядеть в мельтешении кадров что-то важное. Я окинула взглядом большие горшки с растениями -они стояли ровно, по линейке. И не давая себе снова замереть, я направилась к лестнице. Ступени были чуть потёртыми, они шептали: «мы

помним, как по нам бегали первокурсники. Теперь твоя очередь».

Я поднялась на второй этаж, стараясь дышать ровно, и остановилась у двери аудитории номер 13. Из-за неё доносился гул голосов-не враждебный, а суетливый, как у всех, кто впервые собирается вместе. Я сжала ручку двери, ещё раз выдохнув.

«Я справлюсь»-повторила я про себя. И толкнула дверь, вошла и на мгновение замерла, оглядывая присутствующих. В кабинете было шумно: кто-то смеялся, кто-то шуршал бумагами, кто-то пытался перекричать общий гул, чтобы что-то спросить у соседа. Всё это кружилось вокруг меня, как вихрь, и я уже начала думать, что сейчас просто развернусь и выйду. Ноги сами собирались сделать шаг назад, туда, где тихо и понятно.

Но мой взгляд зацепился за единственную девушку-и весь этот шум чуть приглушился, стал не таким острым, не таким давящим. Она сидела у окна, чуть в стороне от шумной компании, и что-то спокойно записывала в тетрадь. Невысокая, с округлыми формами, она выглядела так, будто сама излучала уют. Короткая стрижка открывала изящную линию шеи, а светло-каштановые волосы в лучах утреннего солнца переливались тёплыми оттенками-словно в них запутались несколько солнечных зайчиков. Иногда красота-это не про идеальные пропорции, а про тепло и доброту.

Увидев её, я почувствовала, как внутри что-то тихо рас-

слабилося. Мне захотелось просто улыбнуться. И именно в этот момент я уже точно знала: мы подружимся.

Я направилась к ней.

Девушка подняла глаза от тетради, заметила меня-и её лицо тут же расплылось в широкой улыбке.

-Привет, я Лида тихо сказала она, чуть подвинув вещи, освобождая для меня не только место на парте, но и кусочек пространства.

Мы мило поболтали с Лидой-о ерунде, про то как страшно заходить в новую дверь, о том, что кофе тут, наверное, невкусный, но пить всё равно придётся. Лида рассказала, как утром чуть не надела разные носки, а я смеялась и тревога, которая сжимала грудь, потихоньку сошла на нет. Пока мы болтали, я ловила себя на мысли: если даже в таких мелочах мы похожи, значит, всё будет хорошо. Потом дверь распахнулась, и в аудиторию вошла Татьяна Фёдоровна-с тряпками, вёдрами и таким видом, что уборка-это тоже часть логистики.

-Так, молодёжь, -бодро сказала она, ставя вёдра у доски. -Практика начинается не с красивых слов, а с дела. Сейчас мы приводим аудиторию в порядок: тут пыль, разводы, а у нас через две недели пары, и я не хочу, чтоб вы дышали этой историей прошлого года.

Она быстро раздала задания. Пару парней куратор оставила нам в помощь, а сама собрала остальных ребят, кивнула на дверь с намёком: - на улице ещё наши есть. Там крыль-

цо ждёт, чтобы его подмели, да и клумбы надо привести в порядок. Пойдёмте, покажу фронт работ. И, прихватив пару веников, она вывела их из аудитории, оставив нас заканчивать тут.

Дверь за ней закрылась-и в кабинете повисла тишина. Не та, что давит тяжёлым грузом, а мягкая, обволакивающая, такая, когда можно наконец выдохнуть. Только пыль медленно кружилась в косых лучах солнца, оседая на стопки документов, к которым никто не решался прикоснуться. По углам громоздились коробки, будто их сложили тут ещё в прошлом семестре и с тех пор просто обходили стороной. На одной из них кто-то когда-то вывел маркером «Архив-не трогать», но буквы уже слегка поблекли, и от этого надпись казалась не приказом, а забытой просьбой. Складывалось ощущение, что сюда не заходили несколько месяцев. А может, и вовсе забыли, что это учебное помещение, а не склад забытых вещей.

-Внимание, команда. –крикнула я, хлопнув в ладоши так энергично, что с ближайшей полки едва не свалился горшок с засохшим цветком.

-Чтобы превратить этот филиал хаоса в образцовый кабинет нам надо стать спецотрядом по борьбе с беспорядком.

-А мы и есть спецотряд. –тут же подхватила Лида, вскинув тряпку, как знамя. В её голосе было столько уверенности, что даже коробки в углу слегка съёжились, признавая: с этой девушкой лучше не спорить.

Парни тем временем переглянулись-так, как это делают люди, когда понимают, что отсидеться в стороне не выйдет, но и спорить тоже не хочется-это такой особенный мужской взгляд: смесь смирения и тихой надежды, что, может, само как-то рассосётся.

Один из них, высокий и молчаливый, без лишних слов подхватил ведро и направился к раковине-дав понять, что мытьё полов-его территория и тут он главный.

Второй парень зацепился ногой за швабру и чуть не рухнул, успев в последний момент схватиться за край парты.

-Эй, без жертв! – рассмеялась я, сама, не ожидая, что мой голос прозвучит так легко.

-Вот видите, даже инвентарь против меня. –фыркнул он и широко улыбнулся. –кстати я Витя.

-Отлично, Витя, тогда ты у нас отвечаешь за всё, что падает. –сказала Лида с серьёзным видом, что Витя на секунду замер, а потом расхохотался.

-Так, спецотряд, -снова скомандовала я, но уже тише. – разбираем фронт работ. Лида, ты со мной, будем штурмовать полки. Витя, попробуй договориться со шваброй, чтобы она больше не нападала. И мы начали.

Работа закипела.

-Осторожно, тут документы! –крикнула Лида, вытаскивая из-под коробки стопку листов, которые, казалось, не видели дневного света с прошлого десятилетия.

-Это не документы, это археологические находки! –фырк-

нул Витя, разглядывая выцветшую надпись на папке. – «Отчёт за ноябрь...я даже года разобрать не могу!»

-Значит, они сами хотят быть забытыми, -хихикнула я. – Но мы не позволим!

Высокий парень молча налил воду и устоялся на ведро, пытаясь телепатически договориться с ним, чтобы оно не плескалось.

-Ведро, будь хорошим, -пробормотал он себе под нос, почти беззвучно, но мы всё равно рассмеялись.

-Ты с ведром разговариваешь? –прищурилась Лида.

-Оно меня не слушается, -невозмутимо ответил он. –Придётся применить силу.

Мы смеялись, шутили, случайно опрокинули ведро (к счастью пустое) и тут же устроили соревнование: кто быстрее соберёт рассыпавшиеся тряпки.

-Раз, два, три –победил хаос! –провозгласил Витя, поднимая сразу три тряпки, как олимпийский чемпион.

-Победил не хаос, а твоя ловкость, -фыркнула Лида, но в глазах у неё плясали смешинки.

Постепенно аудитория менялась: исчезла пыль, появились ровные стопки папок, а воздух становился свежее, сама аудитория радовалась, что её наконец-то вернули к жизни.

Я посмотрела на чёрный мешок, набитый обрывками бумаг и мелким хламом, который мы выгребли из углов, и решила, что вынесу его.

Схватила-и он оказался неожиданно тяжёлым, будто в

него свалили не только обрывки бумаг, а все мои утренние сомнения разом.

Я спустилась по лестнице, миновала холл и толкнула дверь наружу. После душного кабинета свежий воздух приятно ударил в лицо. Я глубоко вдохнула, и внутри стало легче, словно вместе с этим вдохом я оставила где-то там, в здании, часть своей неловкости.

Территория учебного заведения выглядела так, словно трава решила доказать, что она тут главная: пучки лезли из-под бордюров, цеплялись за края клумб, будто нарочно мешали ребятам, которые сейчас тянули их из земли и кидали в общую кучу. Там было шумно, весело, кто-то ворчал на упрямые корни, кто-то смеялся над тем, как земля не хочет расставаться со своей зеленью.

Один из парней посмотрел на меня, толкнул другого в плечо и кивнул в мою сторону:

-Макс, смотри.

Макс поднял голову-и в этом движении не было ни капли тяжеловесной серьёзности. Наоборот, он даже чуть подался вперёд, как человек, который не ждёт, когда события найдут его, -он сам тянет их к себе, хватает за край и говорит: «ну, давай посмотрим, что будет».

Я поймала себя на том, что невольно считываю каждую деталь: тёмные волосы, коротко подстриженные, прямой нос, чёткие скулы-будто кто-то выточил их уверенной рукой. А в глазах-этакая весёлая искра, от которой становилось од-

новременно и спокойно, и тревожно: казалось, в любую секунду он либо отпустит дерзкую шутку, либо сделает что-то совершенно безрассудное-просто чтобы посмотреть, как мир качнётся и куда всё выльется.

Высокий, с широкими плечами, плотной, но не перекаченный-в нём чувствовалась сила, только не собранная и холодая, а живая, будто она так и рвалась наружу, искала, куда бы выплеснуться, и не находила покоя.

На секунду наши взгляды встретились-и меня накрыло неловкостью, горячей и внезапной, как вспышка. Казалось, он мог прочесть все мои мысли, а они были совсем не про уборку и не про логистику. «Какой он... словно ничего не боится», - пронеслось в голове. И следом, совсем уж неуместно, мелькнуло: «А ещё он красивый».

От этой простой мысли захотелось спрятаться, стать незаметной. «Если не буду на него смотреть, он не заметит, как я смутилась», - думала я, а пальцы тем временем крепче сжимали ручку мешка, будто она могла удержать меня на месте, не дать сорваться и убежать.

«Ну вот, Кира. Только нашла себе подругу, только перестала дрожать в каждом углу, а теперь стоишь и краснеешь, как школьница», - снова пронеслось в голове, и я почти заставила себя отвести взгляд.

Но Макс не стал просто смотреть. Он шагнул ко мне-легко, но с такой уверенностью, будто точно знал, что делает, словно для него не существовало ни сомнений, ни пауз меж-

ду «подумал» и «сделал». И в тот же миг его лицо озарилось широкой, чуть дерзкой улыбкой-такой, от которой даже воздух вдруг стал теплее и легче, как солнце внезапно пробилось сквозь тучи.

Моя неловкость, которая секунду назад казалась невыносимой, вдруг перестала быть врагом. Она не исчезла-нет, щёки всё ещё горели, а пальцы судорожно цеплялись за мешок. Но в этой неловкости вдруг проклюнулось что-то тёплое и настоящее-как робкий росток сквозь плотную землю. Потому что он не смотрел на меня свысока, в его улыбке не было насмешки.

макс

Я дёргаю очередной пучок травы, и корни вцепляются в землю так, будто не хотят сдаваться без боя. Земля липнет к перчаткам тяжёлым, неподатливым комом, и я рывком тяну ещё раз-словно хочу выместить на этой упрямой траве всё своё раздражение. День тянется невыносимо медленно, вязко, как остывающий сироп, и каждая секунда нарочно длится дольше, чем должна.

Рядом Дэн, как всегда, болтает без умолку. Он машет граблями, как будто это не инвентарь, а палочка дирижёра, и рассказывает какую-то историю, где он, конечно же, главный герой, а все остальные-так, массовка на фоне. Мы дружим с начальной школы, и за это время я успел выучить каждую его интонацию, каждый жест. Да, он бывает невыносимым: спорит по любому поводу, вечно лезет в авантюры, даже ес-

ли я сто раз сказал «нет». Но он мой лучший друг. Через что мы только не прошли: и в обезьяннике сидели после драки в торговом центре, и ночами на крыше спорили, что круче-мотоциклы или спорт кары. А теперь мы одноклассники, и даже тут он умудряется быть в центре внимания-словно ему жизненно необходимо, чтобы мир крутился вокруг него хотя бы на полминуты.

Дэн толкает меня в плечо и кивает куда-то в сторону. Я поднимаю голову-и замираю. Стоит очень красивая девочка. Тоненькая фигурка-словно ветер сейчас унесёт, но в этой хрупкости нет слабости, а есть какая-то особенная лёгкость, как у тех девчонок, которые идут по улице и искренне не замечают, что все на них оборачиваются.

Длинные волнистые волосы. Алые губы-пухлые, яркие, живые. Взгляд озорной, чуть дерзкий, она каждую секунду готова рассмеяться или бросить какую-нибудь колкость. Чуткие черты лица-тонкие, но не холодные, не отстранённые, а такие, что хочется всматриваться, ловить каждую мелочь, будто в них спрятан какой-то секрет, который стоит разгадать.

И в этот момент всё словно стало на свои места: и медленный, тягучий день, и упрямая трава, и даже бесконечная болтовня Дэна, которая обычно просто гудела где-то на фоне, как надоедливый моторчик.

Я почувствовал, как внутри что-то ёкает-не так, как в дешёвых мелодрамах, где всё красиво, гладко и по нотам. А по-

настоящему: резко, внезапно, будто кто-то щёлкнул включателем, и всё вокруг стало ярче. Я смотрел на неё-и внутри всё сжималось от этой дурацкой, колючей паники: надо что-то делать, нельзя просто стоять и пялиться, словно я впервые девчонку увидел. Хуже всего было то, что я вдруг понял: я и правда сейчас какой-то не такой. Обычно у меня всё под контролем-фирменная ухмылка, пара дерзких фраз, которые срабатывают как ключ: щёлк -и ты уже в разговоре, всё идёт легко, будто так и задумано. Но сейчас язык прилип к нёбу, а в голове-пустота. Только её взгляд, который словно проходил сквозь меня, вытряхивая наружу всё это привычное нахальство, оставляя одну голую правду.

«Ну давай, Макс, сделай хоть что-нибудь, -шептал внутренний голос, настойчивый, как Дэн в худшие свои дни. — хоть улыбнись. Хоть кивни. Хоть скажи: помочь?»

Дэн снова толкнул меня в плечо:

-Ты что, язык проглотил? Чего стоишь? Иди, а то я сейчас сам пойду!

Внутри всё дёрнулось. «Нет, только не это. Не надо, чтобы он шёл. Это должен быть я...»

Я мягко, но твёрдо взял Дэна за плечо и развернул его лицом к клумбе-так, чтобы он хоть на минуту перестал быть центром вселенной и дал мне этот крошечный шанс всё сделать самому. А потом я сделал то единственное, что смог, чтобы не стоять столбом: шагнул вперёд, легко, будто это самое обычное дело-подойти к девчонке и перекинуться парой

слов. И бросил первое, что пришло в голову, изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал как обычно-весело, уверенно, без намёка на то, что внутри у меня сейчас всё переворачивается:

-Давай познакомимся?

И тут же мысленно стукнул себя по лбу. «Вот я придурок. Серьёзно? Это всё, что ты смог? Как в детском саду...»

В голове бешено крутилось: «Надо срочно исправляться!» и я выпалил, цепляясь за любую нормальную мысль:

-Давай помогу. Это моя специализация-таскать тяжести. Я быстро. Тут контейнер рядом...

Она чуть улыбнулась- совсем немного, но в этой улыбке было столько понимания, что мне сразу стало чуть легче. Словно она увидела всю эту мою неловкость и не стала тыкать в неё носом, а просто приняла её, как что-то обычное, человеческое.

-Хорошо, спасибо, -тихо сказала она.

Пока я скидывал мешок в контейнер, мысли неслись бешеным потоком: «Только не уходи. Только не стой там и не думай, что я какой-то странный. Остайся ещё на пять минут.»

Когда я вернулся, рядом с Кирой уже стояла невысокая девчонка с короткой стрижкой. Мы быстро познакомились. Дэн хлопнул меня по плечу и ухмыльнулся:

-Ну что, герой дня. Веди нас теперь в какое-нибудь неприличное место, где можно выдохнуть.

Лида кивнула

-Пойдём. Я как раз хотела передохнуть.

Кира чуть замялась, посмотрела на нас.

-Я не курю.

-И не надо, -быстро ответил я, будто это было самым важным. -Просто посидим, там тихо, никто не орёт про уборку.

Мы зашли за угол, в этот укромный закуток между стеной техникума и старым забором. Тут все курили, будто сама атмосфера была создана для коротких передышек-для того, чтобы на пять минут перестать быть теми, кто должен, и просто побыть собой. Лида достала сигарету, прикурила, выдохнула дым в сторону и начала рассказывать какую-то шутку. Дэн тут же подхватил, добавил что-то своё, и все рассмеялись. Даже Кира-тихо, но искренне. И от этого её смеха у меня внутри что-то щёлкнуло, вставая на место.

Я ловил каждый её взгляд, каждую улыбку, старался шутить так, чтобы она смеялась, и в то же время боялся переборщить, не хотел казаться тем самым парнем. Который слишком старается, выжимает из себя остроумие, будто от этого зависит его жизнь. А Кира смотрела на меня внимательно-не просто слушала, а словно видела что-то ещё, что я не говорил вслух. От этого внимания в груди становилось тесно, как будто воздуха вдруг стало меньше, но при этом хотелось говорить ещё и ещё, лишь бы она продолжала так смотреть.

-А ты зачем этот мешок сама потащила? –спросил я, чуть

наклонив голову. — Или просто хотела доказать кому-то, что можешь?

Она пожала плечами, но в глазах мелькнуло что-то тёплое, ей было приятно, что я это заметил.

-Наверное, и то, и другое. Иногда надо просто сделать шаг.

-Понимаю, -кивнул я. — Вот однажды на спор прыгнул с тарзанки. Колени тряслись так, что, кажется, весь лес слышал. Но когда уже летел вниз, вдруг понял: ну вот, сделал - и жив.

Кира улыбнулась — так, что у меня внутри всё подпрыгнуло от радости.

-Ты всегда на спор что-то делаешь? — спросила она, чуть прищурившись.

Привычная дерзость потихоньку начала возвращаться, но сейчас мне хотелось сказать что-то настоящее, без бравადы:

-Почти, -подмигнул я. — но знаешь, есть вещи, которые я делаю не на спор, а просто потому, что хочется. Например, сейчас мне хочется, чтобы ты не думала, что первый день — это сплошной кошмар. Он просто... сложный. Потом станет легче. Обещаю.

Она чуть склонила голову, проверяя: правду ли я говорю или это очередная моя бравада. И я вдруг поймал себя на том, что впервые в жизни мне по-настоящему важно, чтобы она поверила. Не потому, что я хотел произвести впечатление, а потому, что хотелось, чтобы эти слова стали для неё чем-то вроде опоры — пусть маленькой, пусть на минуту, но

настоящей.

-Знаешь, что самое страшное в первом дне практики? – я сделал серьёзное лицо, будто раскрывал государственную тайну. – Это когда куратор смотрит на тебя и говорит: «А теперь все вместе-на склад. Там триста коробок. И они сами себя не расставят». И ты стоишь и думаешь: «Я же только вчера спокойно ел пиццу и смотрел сериал... Где я свернул не туда?»

Кира рассмеялась, и в этом смехе было столько облегчения, что я сам невольно заулыбался шире.

-Я тоже скоро буду так стоять, -тихо призналась она, словно делилась чем-то личным.

-Не будешь, -возразил я чуть твёрже, чем собирался, потому что сейчас мне почему-то было важно, чтобы она в это поверила. –К этому моменту у тебя уже будет команда. Ну, или хотя бы пара людей, которые тоже не понимают, что происходит, но делают вид, что всё под контролем.

Лида фыркнула:

-Это ты про себя что ли?

Я расплылся в улыбке, но тут же снова посмотрел на Киру-проверяя её реакцию. Она покачала головой, но в глазах плясали смешинки.

-Ты забавный, -сказала она.

И от этих слов внутри у меня будто лампочка зажглась-тёплая, неяркая, но такая, от которой становилось светлее. «Забавный» –это, может, и не «самый крутой парень

на свете», но это было честно. И это было от неё. Только бы не испортить момент, мелькнуло в голове. Только бы сейчас не начать хвастаться или нести чушь. Пусть она просто посидит тут ещё немного, пусть поймёт, что со мной можно не держать лицо, можно просто выдохнуть.

Дэн потянулся, зевнул и предательски протянул:

-Ладно, отдохнули. И хватит. Сейчас куратор вернётся, увидит, что мы тут прохлаждаемся, и заставит нас мыть окна с двух сторон.

Лида затушила сигарету:

-Тогда пошли, пока не поймали.

Мы поднялись, отряхивая с себя пыль и остатки этой короткой передышки. Я шёл рядом с Кирой-не слишком близко, но и не отставая, словно если держаться вот так, на расстоянии вытянутой руки, день станет чуть менее безумным.

-Слушай, -сказал я, когда мы уже подходили к углу, откуда снова начиналась территория уборки, -если вдруг станет скучно...или просто тяжело...Найди меня. Мы тут все немного теряемся в первый день, но вместе теряться как-то веселее, да?

Она посмотрела на меня, и в этом взгляде было что-то такое, от чего сердце пропустило удар.

-Спасибо, -тихо ответила она. -Наверное, это как раз то, что мне нужно было услышать.

Я шёл дальше, чувствуя, как внутри разгорается что-то новое-не просто желание понравится, а что-то более насто-

ящее. Желание быть тем, к кому она может подойти, когда станет тяжело.

-Ладно, пять минут тишины прошли. Теперь обратно в бой, -бросила Лида, кивнув на меня короткий взгляд, и просто улыбнулась.

-До встречи, ребята. -сказала Кира.

Я только кивнул в ответ, стараясь не выглядеть так, будто стою и смотрю ей вслед слишком долго. Лида и Кира ушли, а мы с Дэном вернулись к клумбе. Он поковырял землю лопатой, будто надеялся найти там что-то интереснее травы, потом покосился на меня и хмыкнул:

-Ну, герой, рассказывай. Что там у тебя в голове творится?

Я хотел отмахнуться, привычно свести всё к шутке, но язык словно прилип к нёбу-слишком много всего крутилось внутри, и ни одна из этих мыслей не хотела превращаться в лёгкую остроту.

-Понравилась она мне, -выдохнул я, не глядя на Дэна. - Не просто красивая...а настоящая. Такая, знаешь, без этих масок, когда сразу видно: ей и страшно, и хочется всё сделать правильно, и при этом она всё равно делает шаг вперёд.

Дэн помолчал секунду, воткнул лопату в землю, опёрся на неё и посмотрел на меня уже без привычной ухмылки- взрослому, будто мы не на клумбе копаемся, а решаем что-то важное.

-И что теперь? -спросил он, не отрывая взгляда. -Будешь вокруг неё кружить, как кот вокруг миски, и бояться подой-

ти?

-Да я уже подошёл, -буркнул я, чувствуя, как щёки становятся чуть теплее. Я злился на себя за эту неловкость-за то, что даже перед Дэном не могу говорить спокойно, будто каждое слово выдаёт меня с головой. -Мешок помог донести, поболтали просто...Но дело не в этом. Я не хочу быть вечным шутником, который всё сводит к приколу. Хочу, чтобы она не думала, что за каждой фразой прячется очередная попытка произвести впечатление.

Дэн чуть наклонил голову, будто взвешивал мои слова, а потом спокойно сказал:

-Знаешь, Макс, иногда самый крутой ход -это просто не прятаться. Сказать прямо: «Ты мне нравишься.»

Я покосился на него:

-Ты откуда знаешь? Ты вообще, когда последний раз с девчонкой нормально разговаривал, а не пытался её рассмешить до потери пульса?

Он фыркнул и хлопнул меня по плечу:

-Я много чего знаю, просто не всегда показываю.

Мы сова взялись за работу. Я дёргал траву, а мысли всё равно крутились вокруг Киры.

Кира

Мы снова вернулись в аудиторию. Тут всё ещё пахло пылью, но уже не так остро-будто воздух понемногу сдавался, уступая место чему-то новому. По углам по-прежнему громоздились коробки, но теперь они казались не врагами, а

просто кучей нераскрытых историй: кто-то когда-то их ставил, что-то в них складывал, а потом просто забыл.

Мы принялись разбирать коробки: вытаскивать папки, старые журналы учёта, потрёпанные тетради с чужими пометками на полях. И тут из соседней коробки что-то с глухим стуком вывалилось на пол.

Лида закатила глаза, но в голосе у неё звучала явная симпатия:

-Ты вечно всё роняешь! Как ты вообще дожил до первого курса?

Витя притворно обиделся, прижал папку к груди:

-Не роняю. Я драматизирую. Без этого какая уборка, правда?

Дальше он ничего не ронял, зато шутил без остановки-веселил нас так, что неловкость потихоньку таяла, и кабинет становился чуть живее.

Мы разобрали ещё пару коробок, вытащили стопку старых конспектов. И вдруг Лида хитро покосилась на меня:

-Слушай, а этот Макс...как он тебе?

Я чуть замешкалась. Пальцы машинально разглаживали обложку какой-то старой тетради-будто она могла удержать меня от того, чтобы выпалить всё сразу. Не хотелось признаваться, что он мне понравился. Но и врать тоже не хотелось.

-Он шумный, -наконец сказала я, подбирая слова так, чтобы они звучали спокойно, почти буднично. -Но не в плохом смысле. Такой...словно, если он рядом, то ничего страшного

не случится.

Витя, который как раз возился с очередной коробкой, замер, прислушиваясь к нашему разговору. Потом выпрямился и чуть резче, чем нужно, бросил:

-Макс? Не знаю такого. Тут этих шумных на каждом шагу. Все хотят казаться самыми крутыми.

Он тут же словно спохватился, что прозвучало слишком резко, и натянул на лицо привычную улыбку. Но в глазах на долю секунды мелькнуло что-то колючее.

-В смысле, я не люблю этих парней, которые думают, что одна дерзкая фраза-и все уже в восторге, -добавил он, оправдываясь.

Лида покосилась на него, словно хотела что-то сказать, но сдержалась. А я вдруг почувствовала эту неловкость-и поспешила сгладить:

-Да я и не в восторге. Просто...спасибо ему, что помог.

Витя чуть расслабился, будто эти слова его успокоили, и снова встряхнул себя, возвращая обычный весёлый тон:

-Ну, помогать-это святое. Главное, чтобы потом не начал требовать за это благодарности в тройном размере.

Я посмотрела на стопки папок, на Витю, который уже снова что-то вытаскивал из коробки с видом первооткрывателя, на Лиду, которая улыбалась-и поняла: да, мы справляемся. И первый день, каким бы тяжёлым он ни казался, потихоньку укладывался по полочкам.

Лида выпрямилась, потянулась и довольно оглядела кабинет:

-Ну вот. Теперь тут можно учиться.

Мы собрали вещи и направились к выходу. У дверей Лида вдруг остановилась и посмотрела на меня чуть внимательнее, чем обычно:

-Ты куда сейчас? Домой?

Я покачала головой:

-Нет. У меня ещё смена в бургерной.

Лида приподняла брови-но не с жалостью, а с каким-то искренним уважением:

-Ого. И когда ты всё успеваешь?

Я пожала плечами, стараясь не показывать, как сильно уже тянет просто сесть и не двигаться:

-Стараюсь. Там нет места для долгих размышлений. Только чёткий ритм: принять, пробить, собрать, отдать. Если хоть на секунду зависнешь-очередь растёт, и ты уже не успеваешь за этим ритмом.

Лида хмыкнула:

-Звучит как своя маленькая логистика.

Я невольно улыбнулась:

-Наверное. Только тут вместо коробок-бургеры, а вместо плана-голос гостя: мне всё без лука.

Она рассмеялась, потом шагнула ближе и быстро обняла меня-так по-простому, без пафоса, будто этим объятием хотела передать немного своей бодрости.

Мы попрощались у выхода, и я пошла дальше. День ещё не закончился-он просто перешёл в другую фазу.

Макс

Следующий день начался нарочно серым. Небо висело низко, тяжёлое, набухшее, оно собиралось пролиться дождём в любую секунду, и даже воздух казался густым, словно сам мир решил: пусть сегодня будет непросто.

Мы с Дэном пришли на практику чуть раньше. Я специально так сделал-не чтобы что-то сказать, а просто чтобы увидеть Киру. Хотелось поймать тот самый миг, когда она появится: как идёт, чуть наклонив голову, как поправляет волосы, как улыбается. Хотелось убедиться, что вчерашний день не был каким-то сном, в котором я вдруг стал тем, кто теряется от одного взгляда.

И вот она появилась-вместе с Лидой. Только не одни: рядом с ними шёл какой-то парень. Он что-то рассказывал, размахивая руками, чуть ли не кружился вокруг Киры, будто хотел быть центром её вселенной. Лида смеялась. Кира слушала, иногда кивала и улыбалась-спокойно, без восторга, но и без отстранённости.

Я замер, сам не ожидая такой реакции. Внутри всё сжималось, и это была ревность- негромкая, но острая, как царапина, которая сначала почти не чувствуется, а потом начинает щипать. Мысль мелькнула резкая и нелепая: подойти, сказать что-нибудь громкое, чтобы Кира посмотрела на меня, а не на этого парня.

«Да что со мной?» – пронеслось в голове. Я никогда не был таким. Обычно мне было всё равно, кто там вокруг девчонок крутится. Да я сам был тем, кто притягивает взгляды, кто шутит, кто первым заводит разговор. А сейчас внутри всё натянулось-злость, напряжённость переплелись в одно желание: сорваться из-за того, что кто-то слишком близко подошёл к Кире. И от этого я сам себе не нравился.

Дэн хмыкнул и толкнул меня локтем-скорее всего, что бы вернуть в реальность:

-Эй, полегче! Макс, расслабься. Ты сейчас дырку в Кире прожжёшь взглядом.

-Просто мне не нравится, как он на неё смотрит, -буркнул я, не сводя глаз с Киры и того парня, который всё ещё что-то вещал, словно читал монолог на сцене.

Дэн тихо вздохнул:

-Да он просто болтун. Если бы он хоть что-то из себя представлял, не стоял бы там и не старался так сильно.

Я не ответил. Слова не шли-внутри всё по-прежнему сжималось, и от этого было неприятно. Будто я сам себе казался каким-то чужим, не тем уверенным парнем, который всё держит под контролем, а тем, кто впервые не знает, как себя вести.

И тогда я шагнул вперёд-не резко, не как на драку, а неторопливо, но без промедления, точно зная, что делаю. Дэн шёл чуть позади, прикрывая тыл, -в этом молчаливом сопровождении было что-то надёжное.

Лида заметила нас первой: её глаза чуть расширились, уголок губ дёрнулся, она хотела что-то сказать, но сдержалась. Тот парень нахмурился, словно не ожидал, что к их компании кто-то подойдёт. Его показная уверенность на секунду дала трещину, голос споткнулся о воздух.

-Привет, -спокойно сказал я, глядя прямо на Киру. Не на парня, не в сторону-только на неё.

Она чуть улыбнулась, и эта улыбка смыла всю ревность, которая ещё секунду назад жгла изнутри, словно кто-то плеснул водой на тлеющие угли. Стало легче-просто от того, что она посмотрела на меня и чуть приподняла уголки губ, тихо, только для меня.

Я чуть наклонился, чтобы слышала только она, и сказал:

-Знаешь, у тебя красивая улыбка. Она всё во круг делает светлее.

Кира покраснела совсем немного-так, если не присматриваться, не заметишь. Опустила взгляд, но неловкости не было-скорее какая-то тихая радость, ей было приятно это услышать. Не как комплимент из вежливости, а как что-то настоящее, сказанное не для галочки.

В этот момент из здания вышла Татьяна Фёдоровна. Кинула на нас строгий взгляд, но не злой-она сразу поняла, что мы тут не делом заняты, а жизнь живём.

-Девочки-в актовый зал. Там надо навести порядок, -коротко бросила она.

Лида тут же потянула Киру за руку:

-Пошли, пока она не передумала нам ещё что-нибудь!

Они ушли быстро, почти бегом, смеясь на ходу, и я только и успел поймать ещё один короткий взгляд Кире.

Дэн хмыкнул, глядя им вслед:

-Ну вот, теперь ты стоишь и смотришь, будто тебя бросили одного посреди поля.

-Заткнись, -пробурчал я без злости.

Практика быстро подошла к концу. В последний день мы таскали парты из подсобки-тяжёлые, скрипучие, как будто они сопротивлялись, цеплялись ножками за пол, не хотели покидать своё пыльное убежище. Каждый раз, когда я ставил очередную на место, дерево поскрипывало, как будто ворчал: «Ну зачем ты меня вытащил?»

Кира держала дверь, прижимаясь плечом к косяку, чтобы створка не захлопнулась прямо на ножке. В её движениях была эта особенная смесь решимости и лёгкой неловкости-словно она сама себе шептала: «Я справлюсь», но в глубине души надеялась, что кто-то подойдёт и тихо скажет: «Давай я помогу».

-Эта парта явно прошла войну, -выдохнул я, ставя её с тяжёлым «бум». -И, судя по звуку, победила. -Похоже, она считает, что мы тут лишние, -хихикнула Кира, потирая плечо. -У неё такой взгляд...ну, если у мебели вообще бывают взгляды. -Ещё какие, -я наклонился, прислушиваясь к столешнице. -Слышишь? Она шепчет: «Я тут стояла с девяностых, я заслужила покой».

Кира рассмеялась, и этот смех вдруг стёр усталость, как тёплая вода стирает пыль. Я выпрямился, улыбнулся и кивнул на её плечо:

-Ты его сейчас прямо в стену вдавишь. Дай я подержу дверь. -Не надо, я справлюсь! -тут же выпалила она, а потом смущённо добавила: -Просто...если ты будешь держать, я начну просто стоять и смотреть, как ты всё делаешь, а это уже наглость. -А если ты будешь стоять и смотреть, я буду делать это нарочно красиво, -подмигнул я. -И тогда мы точно не закончим до зимы.

Она фыркнула, но всё-таки отошла на шаг, уступая место. Я упёрся плечом в дверь, и та послушно замерла.

-Вот, -сказал я, словно совершил подвиг. -Теперь у нас есть стабильность. И немного драмы. -И много пыли, -Кира провела пальцем по краю столешницы и показала чёрную полосу. -Мы точно не археологи? -Точно. Археологи бы уже всё сфотографировали и подписали. А мы просто пытаемся не дать этому кабинету окончательно превратиться в руины.

Я сделал шаг вперёд, и между нами вдруг стало чуть меньше пространства, чуть больше воздуха, который звенел от этой близости.

-Знаешь, -вдруг вырвалось у меня, -мне нравится, как ты не боишься выглядеть неловкой. Ну, когда что-то падает, или ты спотыкаешься, или вот сейчас-пытаешься удержать дверь, хотя она явно сильнее.

-Это не смелость, -тихо сказала Кира. -Это просто...я не

успеваю притворяться. —А я думаю, это и есть самая настоящая смелость. —спокойно ответил я. —Всё, что нас не убивает, делает сильнее. Но я бы предпочёл, чтобы нас убивали поменьше. Хотя бы сегодня.

Она подняла на меня глаза, и в них мелькнуло что-то тёплое, почти благодарное. И тут Лида ворвалась в кабинет с коробкой в руках, споткнулась о порожек, коробка взлетела, папки разлетелись веером, и мы оба, не сговариваясь, рванули вперёд.

—Осторожно! —крикнул я. —Кира, там может быть призрак старости! —Главное, чтобы не паук! —выпалила она, ныряя под стол, и в голосе её было столько неподдельного ужаса, что я не выдержал и расхохотался, даже не успев поймать очередной лист.

—Паук?! —переспросил Витя, заглядывая в кабинет. —Вы что тут насекомых изучаете? —Кира объявила эвакуацию! —крикнул я, едва не задыхаясь от смеха. —Я не объявляла! —Кира вынырнула из-под стола с охапкой листов и покрасневшими щеками. —Я просто...предупредила! —Она предупредила, —крикнул я с абсолютно серьёзным лицом. —Если в этих развалинах обнаружится паук-спецотряд эвакуируется в полном составе. —Кроме тебя, —Лида, уже собравшаяся, подмигнула. —Ты у нас громила, тебе положено первым идти на паука. —Почему это я?! —возмутился я. —Потому что ты единственный, кто не боится, —просто сказала Лида. —Я боюсь, —честно признался я. —Просто тихо.

Кира посмотрела на меня, и мы одновременно рассмеялись. И всё это было так нелепо, так шумно, так по-живому, что я вдруг понял: мне нравится эта суета. Нравится, что рядом есть человек, с которым можно быть неидеальным.

Когда мы наконец собрали всё и сели на пол, прислонившись спинами к стене, Кира посмотрела на меня и сказала: —Знаешь, я думала, практика будет каким-то испытанием. А оказалось, тут можно просто дышать. И даже смеяться, когда всё валится из рук. —Главное, чтобы не на голову, — пошутил я, и она снова рассмеялась-уже свободнее, словно сбрасывая с плеч все тревоги.

Я постоянно искал глазами Киру-просто не мог по-другому. Иногда мы обменивались улыбками: короткими, почти незаметными для остальных, но для меня они тянулись дольше, чем любые разговоры. В этих улыбках было что-то вроде тихого «я тут», и этого хватало, чтобы день уже не казался таким тяжёлым.

Потом все разбрелись, а мы остались вдвоём. Кабинет уже не казался чужим-он помнил нас: помнил смех, скрип парт, разлетевшиеся листы и ту шутку про паука, которая почему-то стала нашей. Кира стояла у окна, и солнце падало ей на волосы, делая их чуть светлее. Я подошёл, встал рядом, не слишком близко, чтобы не спугнуть эту тишину, и сказал просто:

—Ты молодец. Тут всё изменилось. Из-за тебя. Она покоилась на меня, улыбаясь той самой короткой улыбкой, ко-

торая для меня всегда тянулась дольше любых разговоров. – Тут всё изменилось из-за нас, -тихо сказала она.

И я понял, что это правда. И что мне не хочется, чтобы практика заканчивалась. Не потому что мне нравилось таскать, парты-а потому что я знал каждый день, что увижу её.

Глава 3

Кира

Сегодня первый учебный день. Теперь я студентка. Эти слова сами по себе звучали так, словно в них умещалось что-то большое, взрослое- с ним на плечи ложится целая новая жизнь, со всеми её «надо», «успею» и «справлюсь».

Я вошла в аудиторию и просто замерла, пытаюсь всё сразу охватить взглядом. Сколько парней в моей группе! Они сидели кучками, кто-то уже спорил о чём-то с такой уверенностью, будто был насквозь пропитан этой мальчишеской самоуверенностью. От этого становилось одновременно и волнительно, и смешно. Было ощущение, что я попала в другой мир, где все уже знают правила, а я только стою у двери и пытаюсь понять, с какой ноги сюда входить.

Я быстро нашла глазами Лиду-она сидела за предпоследней партой и энергично махала мне рукой, словно боялась, что я развернусь и сбегу обратно в коридор, пока никто не успел меня заметить. Её улыбка была такой заразительной, что даже тревога чуть отступила.

Пока шла между партами, старалась не споткнуться о чью-то сумку и вообще выглядеть так, будто я тут своя и каждый

день вот так уверенно шагаю в новую жизнь. Стараясь держать спину ровно.

И тут кто-то из одноклассников присвистнул мне вслед. Я на секунду замерла- щёки вспыхнули, внутри всё сжалось от внезапного смущения. Хотелось то ли провалиться сквозь пол, то ли резко обернуться и выдать что-то дерзкое, чтобы никто не думал, что меня можно так легко выбить из колеи. Но в итоге я ничего не ответила. Просто чуть приподняла подбородок, словно этот свист вообще меня не задел, и пошла дальше-ровно, не ускоряя шаг, хотя сердце колотилось где-то у самого горла, громко и настойчиво.

Наконец я добралась до Лиды и плюхнулась на стул рядом, выдохнула:

-Ну и денёк... а пары ещё даже не начались.

Макс

Мы с Дэном сидели, залипнув в телефонах, -обычная утренняя рутина, ничего особенного. Он листал какой-то чат и время от времени фыркал, смеясь над мемами, а я проверял расписание, будто там за пять минут могло появиться что-то новое, чего я не видел. Экран привычно светил в глаза, холодный и равнодушный, а мысли всё равно улетали куда-то в сторону-практики, к тому как Кира улыбалась, чуть краснела, как в её взгляде мелькало что-то такое, от чего внутри становилось теплее.

Я поднял глаза просто так-чтобы размять шею, глянуть, кто заходит. И -да, джек-пот.

Кира вошла в аудиторию, огляделась, словно пыталась понять, куда вообще попала, и в эту секунду полгруппы парней разом забыли, как дышать. Стоило ей перешагнуть порог кабинета –какой-то придурок даже присвистнул. Я стиснул зубы так, что в висках за пульсировало: увидел бы, кто это сделал, –свистелку бы точно оторвал.

Ещё на практике я где-то внутри себя решил: она будет моей. И тут меня накрыло волной такого простого, но оглушающего счастья: она в моей группе. Это значит, я буду видеть её каждый день.

Я коротко выдохнул, не сводя с неё глаз. Она села рядом с Лидой, чуть улыбнулась-и в этой улыбке было столько облегчения, что я сам невольно расслабил плечи. От всех этих мыслей меня отвлёк резкий звонок. В аудиторию зашёл преподаватель.

Кира

В конце пары зашла куратор, коротко поздоровалась-без лишних прелюдий, словно время и правда было на вес золота, -и сразу перешла к делу:

-Так, группа, у нас есть вопрос, который лучше решить сразу. Нам нужен староста. Предлагаю не тянуть и проголо-совать прямо сейчас. И я хочу, чтобы это была девочка.

Лида рядом со мной чуть слышно выдохнула:

-Ну вот, началось...

Куратор посмотрел на неё:

-Лида, встань, пожалуйста. А вы-поднимайте руки, кто за.

Лида встала, нехотя. За неё проголосовало четверо-со-
всем немного. Она села обратно, пожала плечами, наверно
хотела показать, что ей всё равно, но я-то видела, как у неё
чуть дрогнули пальцы, когда она хваталась за край парты.
В этом едва заметном движении было столько неловкости,
столько старания не показать, как ей обидно, что мне вдруг
стало ужасно горько за неё.

-Хорошо, -спокойно сказала куратор, не замечая этой дро-
жи в руках Лиды. –теперь ты, Кира. Вставай.

Я прикрыла лицо тетрадью-надеясь, что если не будет вид-
но меня, то за меня забудут.

-Вставай, Кира, -повторила Татьяна Фёдоровна чуть твёр-
же.

Пришлось встать. Ноги были чужие, тяжёлые, словно я
шла по вязкому песку. Сначала поднялась одна рука-высо-
кая, уверенная, сразу видно, что человек не сомневается. По-
том ещё одна, и ещё...Руки взлетели почти со всех сторон.
Некоторые ребята даже подняли сразу две, будто хотели по-
казать: «Да, мы точно за». Кто-то засмеялся, а кто-то просто
улыбался.

Куратор развернула целую речь про то, что я буду хоро-
шей старостой, про ответственность, про командный дух. Я
почти не слушала. Слова плыли мимо, как облака, которые
никак не ухватить. Потом она поздравила меня, и группа за-
хлопала-эти аплодисменты были слишком шумными, слиш-
ком живыми, слишком чужими в этой минуте, когда мне хо-

телось просто снова сесть и сделать вид, что меня тут нет.

Я свалилась обратно на стул, будто из-под ног выдернули опору, а в голове крутилась только одна мысль: «нет, я не хочу». Всё это казалось таким огромным, таким тяжёлым, ощущение было будто на меня надели бетонную плиту. Мне хотелось просто быть обычной студенткой.

Татьяна Фёдоровна попрощалась со всеми и вышла из кабинета. И тут меня подбросило: я подскочила и рванула за ней. словно, если успею догнать, смогу сказать: «Подождите, давайте ещё раз проголосуем. Я не готова».

Я вылетела из аудитории и врезалась в кого-то плечом. Чуть не потеряла равновесие и уже приготовилась шлёпнуться прямо у всех на виду-стать ещё одной неловкой историей этого дня, о которой будут вспоминать до конца первого семестра. Но меня мягко, но крепко придержали: рука легла на талию, не давая упасть.

Я замерла-даже дышать перестала. А потом подняла голову и увидела Вову. Того самого бывшего парня, с этой его улыбкой, будто ничего не случилось, словно мы и не расставались вовсе. Он просто вышел из соседней аудитории и ждал меня, чтобы вместе пойти на следующую пару.

Я впала в полный ступор. В ушах шумело, сердце предательски колотилось, словно хотело вырваться из груди. А я чувствовала только его руку на моей талии-и от этого прикосновения разом нахлынули все воспоминания, они накрыли с головой. Моё тело прошибло током: каждая клеточка

вспомнила его-такого родного, знакомого до мельчайших деталей, до этой чуть дерзкой улыбки, от которой у меня внутри всё подпрыгивало.

В этот момент я даже перестала понимать, где нахожусь: в коридоре техникума, в прошлом или в каком-то странном сне, где время сломалось, а чувства перепутались. Из этого оцепенения меня вырвал голос Вовы:

-Эй, ты в порядке?

Он прорвался сквозь шум в голове, как кто-то резко убавил громкость.

-Ты так вылетела, словно за тобой декан гнался с зачёткой, -добавил он с лёгкой усмешкой, но в глазах была настоящая тревога.

-Прости, -пробормотала я, отступая на шаг, и наконец-то снова начала дышать. Ладони были влажными, а в груди всё ещё колотилось так, словно я пробежала три лестничных пролёта подряд.

Я опустила взгляд, чтобы не смотреть ему прямо в глаза-слишком близко он был, слишком знакомо, слишком больно... Хотелось сказать что-то просто, короткое, чтобы закрыть тему, но язык не слушался.

-И то, и другое.

Я провела ладонью по волосам, пытаюсь вернуть себе хоть каплю собранности, и старалась улыбнуться, но получилось криво, натянуто.

-Спасибо, что поймал, а то бы растянулась прямо в кори-

доре. И тогда точно все решили бы, что староста-это не моё.

Вова приподнял бровь:

-Староста? Тебя что, только выбрали?

Я поморщилась, как от зубной боли:

-Да. Прямо на паре. Все хлопали, улыбались, будто это какой-то праздник. А у меня в голове только одна мысль: «Я не готова».

Он не стал говорить банальное –ты справишься. Не стал делать вид, что это ерунда. Вместо этого Вова чуть наклонился вперёд и положил руку мне на плечо-просто, по-дружески, словно хотел этим жестом сказать: «Я тут. Ты не одна».

От этого простого прикосновения меня бросило в краску. Щёки вспыхнули так, что, стали пунцовыми, а по телу пробежала мелкая дрожь, будто по венам пустили слабый ток. Я слишком остро почувствовала эту близость: знакомый запах его парфюма, тепло, твёрдость его ладони, эту привычную уверенность в каждом его движении. От этого всего стало страшно. Не от него-от себя. От того, как моё тело всё ещё помнило, как быть рядом с ним, как узнавать его шаги, его интонации, как тянуться к нему.

И этот отклик собственного тела пугал сильнее, чем мысль о старостате. Я начала понимать: мне надо уносить ноги. Как можно быстрее, пока не сказала что-то лишнее. пока старая привычка не взяла верх над тем, какой я старалась стать сейчас-новой Кирой: собранной, уверенной, той

которая не теряется от одного прикосновения.

-Прости, -я чуть дёрнула плечом-мягко, но твёрдо, сбрасывая его руку. И тут же пожалела об этом: в его глазах мелькнуло понимание. Он сразу прочитал, что творится у меня внутри.

-Мне пора, -прошептала я и пошла ровно, стараясь держать спину прямо. Словно эта выправка могла удержать всё остальное: дрожь, смятение, тяжесть этой случайной встречи, которая разом выдернула меня из сегодняшнего дня и швырнула в прошлое.

Вова

Я стоял в коридоре и смотрел ей в след, не сразу даже поняв, что всё ещё сжимаю пальцы, что до сих пор чувствую, как удержал её, как ладонь легла на талию-и она замерла, в этот миг весь мир остановился.

Эта секунда растянулась, стала огромной, как целая жизнь. Когда коснулся её, когда почувствовал под ладонью тонкую ткань футболки, а под ней-тепло, всё внутри перевернулось. От этого простого прикосновения меня накрыло волной нежности. Без неё, я годами ходил в полутьме, а тут вдруг включили свет. Тут же я понял, как много всего успел пропустить. Её духи-лёгкие, чуть пряные, в них угадывались нотки ванили и чего-то свежего-они ударили по памяти. Этот запах был как ключ, который разом открывал все двери: к нашим вечерам на скамейке, к её смеху, к тем дням, когда мы молча сидели рядом, и этого было достаточно.

-Красивая, -рядом возник Артём, мой одноклассник, и кинул взгляд в ту сторону, куда только что ушла Кира.

Я даже не сразу ответил: внутри всё ещё гудело, и этот обычный, ничего не значащий комплимент прозвучал как вторжение во что-то очень личное.

-Она занята. Это моя будущая девушка. –сказал я твёрдо.

Артём приподнял брови, хотел пошутить, но, увидев моё лицо, передумал. Просто пожал плечами.

-Ладно, ладно, понял. Не лезу.

Я провёл ладонью по затылку, хотел стряхнуть остатки этой оглушающей встречи, и выдохнул. В груди всё ещё гудело, но теперь это не сбивало с толку, а собиралось в твёрдую, ясную мысль.

Тогда я променял Киру на спокойствие, которое на самом деле было просто пустотой. И теперь горько жалел об этом. Каждый день, что мы были не вместе, казался мне расплатой за ту трусость. Я смотрел, как она уходит, как её плечи опускаются, будто она сбрасывает с себя что-то тяжёлое, и думал: «Теперь я готов. Я сделаю всё, чтобы она могла мне доверять».

Улыбка сама собой появилась на лице-тихо, не для кого-то, а просто потому, что внутри вдруг стало спокойно. Впервые за долгое время там не было привычной пустоты или раздражения. Было именно спокойствие-от того, что появилась цель.

-Кофе, значит, -пробормотал я себе под нос, глядя, как

она заворачивает за угол и постепенно исчезает из виду. – Ладно, Кира. Пусть сегодня тебе нужно побыть одной. Я не буду стоять над душой. Не буду торопить. Но я буду рядом каждый день. В столовой, в коридоре, у расписания-езде, где ты можешь случайно пройти.

Я развернулся, сунул руки в карманы и пошёл по коридору уже не спеша. День вдруг стал светлее. В нём появилась цель, и я был готов идти к ней. К любым разговорам, к паузам, к любому «не сейчас». К тому, чтобы каждый день доказывать: я больше не тот парень, который сбегает, когда становится сложно.

Я тот, кто останется. Тот, рядом с которым ей не придётся сбрасывать чужую руку, потому что она сама захочет держаться за неё.

Кира

-Да что со мной... Сердце, успокойся, -шептала я себе под нос, уходя по коридору, будто могла уговорить его биться тише. Но оно колотилось так, что отдавалось в висках, в кончиках пальцев, во всём теле-словно я не просто столкнулась с Вовой, а влетела на бешеной скорости в стену.

На первом этаже я остановилась и прислонилась к холодной стене. Ощущение резкого холода сквозь тонкую ткань футболки начало возвращать меня в реальность. Я закрыла глаза, пытаясь вытолкнуть из головы его голос, его взгляд, то, как его ладонь легла мне на талию. В голове стоял гул-как после сильного ветра, когда уши закладывает и ничего

не слышно, кроме этого ровного, оглушающего шума. Он заполнял каждую мысль, не давал ни о чём думать, только повторять про себя: «Дыши. Просто дыши».

-Да откуда он тут взялся?! –пробормотала я и сжала кулаки, в надежде, что злость поможет удержать всю эту бурю, не даст чувствам вырваться наружу. «Я же не смогу так. Он только дотронулся до, меня-и я уже с ума схожу. Не могу простить за то, что бросил. Но и любить перестать не могу...»

Я покачала головой, хотела стряхнуть эти мысли, как капли дождя, но они не исчезали. Они упрямо цеплялись за каждое воспоминание: за те вечера, когда мы просто сидели в тишине, за его привычку поправлять мне волосы, когда они падали на глаза, и за тот день, когда он выбрал не меня.

-Кира! Кира! Кира, что с тобой? Ты побледнела.

Ко мне подбежала Лида, запыхавшаяся, словно бежала за мной через стадион, а не по лестнице. Её голос прорвался сквозь плотную штору, которая окутывала меня, отрезая от всего мира. Она схватила меня за плечи и чуть встряхнула-совсем немного, но это хватило, чтоб я снова почувствовала под ногами пол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.